
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

РѢЧЬ
О
ПУШКИНѢ

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

29 ЯНВАРЯ 1887 ГОДА,

А. И. НЕЗЕЛЕНОВЫМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. М. Вольфа, Большая Итальянокая, д. 2.
1887.

РѢЧЬ о ПУШКИНѢ

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

29 января 1887 года,

А. И. Незеленовымъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. М. Вольфа, Большая Итальянская, д. 2.
1887.

Печатано по опредѣленію Совѣта, С.-Петербургскаго Университета.

РѢЧЬ о ПУШКИНѢ

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

А. И. Незеленовымъ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

29 января 1887 года.

Русское общество вспоминаетъ въ настоящіе дни великое трагическое событіе, совершившееся 50 лѣтъ тому назадъ. 29-го января 1837 года смерть унесла въ могилу тѣло Пушкина, а высокій духъ поэта перешелъ въ жизнь вѣчную. Исполнившееся полустолѣтіе съ той знаменательной минуты невольно вызываетъ на размышленіе, на воспоминаніе о великой творческой дѣятельности почившаго генія.

Этотъ геній—наша слава передъ міромъ; онъ и его созданія—одно изъ нашихъ главныхъ правъ на имя великаго народа.—Пушкинъ есть завершеніе великаго историческаго процесса, начавшагося со временъ Петра, прекрасный и благоуханный цвѣтъ того растенія, которое развивалось изъ сѣмянъ, брошенныхъ Преобразователемъ въ богатую, плодородную почву русской жизни.—Наша русская жизнь, наша родная, отъ эпохи крещенія Владиміра, и еще раньше, отъ глубины доисторическихъ временъ развивавшаяся культура стала воспринимать въ себя, со временъ Петра, начала образованности западно-европейской. Великій процессъ органическаго сліянія чужой просвѣтительной стихіи съ нашей народной образованностью всего сильнѣе и яснѣе сказался, въ литературѣ и особенно въ ея главной отрасли—поэзіи. Но до Пуш-

кина этотъ процессъ представлялъ еще только хаотическое броженіе силъ. До Пушкина наша литература имѣетъ интересъ и значеніе лишь для насъ самихъ. Въ великомъ поэтѣ, въ его геніальномъ творчествѣ впервые выдѣлился изъ хаоса новый міръ, и глубокое содержаніе, правда и живая краса этого міра имѣютъ безусловную цѣнность, цѣнность для всего свѣта. Пушкинъ началъ собою тотъ періодъ русской литературы, который имѣетъ значеніе всеобщее. Пушкинъ то-же въ русской литературѣ, что Шекспиръ или Байронъ въ англійской, Мольеръ или Викторъ Гюго во французской, Сервантесъ—въ испанской, Шиллеръ или Гёте—въ нѣмецкой и т. д., съ тою разницей, что въ немъ, какъ въ русскомъ поэтѣ временъ преобразованной Петромъ Россіи, мы видимъ синтезъ всѣхъ культурныхъ началъ. Оттого поэзія Пушкина — безконечно широка: Пушкинъ—свой вездѣ, во всемъ мірѣ; ему одинаково доступны и древняя Русь, и средневѣковая Европа, и Испанія, и древній Римъ. Духомъ мѣста и времени, оригинальнымъ характеромъ эпохи и народности проникнуты и драма «Русалка», и «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», и «Каменный гость», и «Моцартъ и Сальери», — явленіе единственное во всемірной литературѣ, ибо никто изъ поэтовъ не былъ въ состояніи такъ переноситься въ чужую жизнь, такъ воспринимать ее и отражать въ своемъ творчествѣ, какъ Пушкинъ. Но это свойство не лишало его оригинальности, народной и индивидуальной, личной. Напротивъ, въ широтѣ захвата его поэзіи и сказалась ея главная народная особенность; поэтъ не подчинялся тѣмъ мірамъ, которые такъ правдиво отражалъ въ своемъ творчествѣ, а смотрѣлъ на нихъ спокойно, съ той высшей точки зрѣнія, на которую поставила его народная и личная высота его духа, съ точки зрѣнія безконечно высокаго идеала, идеала, въ которомъ примиряются противоположности и кажущіяся противорѣчія жизни человѣчества.

Что-же касается личной оригинальности Пушкина, то кому она теперь не ясна? Кому неизвѣстна неподражаемая художественная *красота* созданій нашего поэта? Какъ поэтъ-художникъ Пушкинъ не имѣетъ себѣ соперниковъ; изящнѣе, прекраснѣе его созданій нѣтъ ни у кого ни въ одной литературѣ міра.

Но эта индивидуальная особенность Пушкина вмѣстѣ съ тѣмъ и ставитъ грани его поэзіи. Поэтъ красоты, художникъ по-преимуществу, Пушкинъ могъ изображать только положительныя стороны и явленія дѣйствительности. Явленія отрицательныя, зло и пошлость, не входили въ кругъ его творчества. Для изображенія ихъ въ нашей жизни долженъ былъ явиться новый геній; онъ и явился въ лицѣ Гоголя. Пушкинъ самъ прежде и лучше всѣхъ съумѣлъ понять это, съумѣлъ оцѣнить своего великаго современника.

Необъятная ширь содержанія, дивная художественная красота, простота и добродушіе и спокойный веселый юморъ (свидѣтельствующіе о близости поэта къ жизни народа), нѣжность и гуманность, кроткая человѣчность чувства,—вотъ черты, отличающія нашего Пушкина. Въ концѣ жизни великаго поэта эти возвышенныя свойства его личности все ближе и ближе подходили къ религіозному настроенію духа. Религіозное чувство жило въ немъ съ давнихъ поръ и все усиливалось съ годами. Выразившись въ 1826 году въ стихотвореніи «Пророкъ», оно сказалось потомъ въ поэмѣ «Галубъ», въ запискахъ о путешествіи въ Арзерумъ, въ цѣломъ рядѣ лирическихъ стихотвореній; въ концѣ жизни поэтъ зачитывался Евангеліемъ и житіями Святыхъ и задумывалъ большую поэму религіознаго характера.

Но параллельно съ этимъ въ душѣ его въ послѣднюю эпоху дѣятельности развивалось, отражаясь и въ творчествѣ, чувство глубокой тоски. Было-ли это одно недовольство поэта окружавшей его дѣйствительностью, нашей русской и вообще человѣческой, или сюда примѣшивалось и личное горе неудавшейся жизни, неудавшагося семейнаго счастья, и неудовлетворенность собою и своей дѣятельностью, — это загадка. Во всякомъ случаѣ это чувство тоски, указывая намъ слабую сторону великой творческой силы, въ то-же время свидѣтельствуетъ и о высотѣ нравственныхъ требованій поэта, о высотѣ его идеала.

Припомнимъ вкратцѣ ходъ развитія творчества Пушкина; припомнимъ, какъ усвоивались имъ различныя поэтическія стихіи и культурныя начала и какъ вырабатывалась изъ нихъ оригинальная, новая, Пушкинская поэзія.

Дѣтство въ отцовскомъ домѣ и ранняя юность, время воспитанія въ Лицеѣ, не были вообще благопріятны для будущаго поэта въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Въ домѣ Пушкиныхъ жизнь шла на французскій ладъ; а лицеисты того времени предавались пирушкамъ и грубымъ шалостямъ. Но няня Арина Родіоновна съ ея сказками и пѣснями и литературное направленіе въ Лицеѣ сказались благотворно на развитіи юнаго Александра Сергѣевича; благодаря нянѣ, онъ сроднился съ русской народной жизнью и полюбилъ ее; благодаря чтенію поэтовъ, онъ страстно привязался къ литературѣ. Это чтеніе было, однако, тоже обоюдоострымъ: увлеченіе Вольтеромъ и его подражателями дурно вліяло на Пушкина. Впрочемъ отъ этого вліянія спасала его поэзія Жуковскаго, которую онъ съ дѣтства полюбилъ горячо, всею душою. По выходѣ изъ Лицея Пушкинъ предался-было пустой свѣтской жизни, попалъ въ дурной кружокъ кутящей молодежи. Но въ эту жизнь не вся ушла душа его: изъ ея глубины подымался порою благородный протестующій голосъ, какъ объ этомъ прекрасно свидѣтельствуетъ стихотвореніе 1819 г. *„Возрожденіе“*: поэтъ сравнилъ здѣсь помрачавшія его душу заблужденія съ чуждыми красками, которыя налагаетъ варваръ-художникъ на картину генія, и которыя съ годами спадаютъ съ нея, открывая прежнюю красоту картины:

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Высылка молодаго поэта, за нѣкоторыя неосторожныя эпиграммы, на югъ изъ Петербурга—положила конецъ подражательному періоду его дѣятельности и быть можетъ спасла его геній отъ погибели въ ложныхъ увлеченіяхъ. Пушкинъ уѣзжалъ изъ

сѣверной столицы еще съ неопредѣлившимся исходомъ происходившей въ его душѣ борьбы добра и зла; онъ могъ сказать тогда про себя написанные имъ въ 1818 г. стихи:

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь;
Я много обѣщаю, —
Исполню-ли,—Богъ вѣсть!

Новыя, могучія впечатлѣнія юга благотворно подѣйствовали на молодую и чуткую душу Пушкина. Правда, чувственная и грубая жизнь Кишинева дѣйствовала какъ отрава; но этой отравѣ предшествовалъ Кавказъ съ его грандіозной природой, Таврида съ ея «стройными тополями», «нѣжными миртами» и «темными кипарисами», съ ея Чернымъ моремъ; затѣмъ—дружба съ семействомъ Раевскихъ, встрѣча съ какой-то поэтической женщиной, возбудившей въ душѣ чистую, возвышенную любовь, и наконецъ могучее дѣйствіе поэзіи Байрона... Все это не только охраняло поэта отъ зла, но и дало могучій толчокъ его дѣятельности, пробудило въ его творчествѣ, дотолѣ отличавшемся нѣкоторою холодностью, горячее чувство....

Увлеченіе Байрономъ не сдѣлало Пушкина подражателемъ. Правда, онъ сталъ, слѣдуя великому англійскому поэту, рисовать разочарованныхъ людей, какъ напр. Кавказскаго плѣнника, и даже сочувствовать имъ; но не трудно замѣтить, что онъ уже съ самаго начала не столько подражалъ байронизму, сколько боролся съ нимъ. А въ поэмѣ *„Цыганы“* онъ уже положительно развѣнчиваетъ гордый байроническій характеръ, перероcтая такимъ образомъ одного изъ своихъ главныхъ учителей въ поэзіи. Пушкинъ чувствуетъ и цѣнитъ все поэтическое, возвышенное значеніе энергическаго протеста Алеко противъ пошлости общества, въ которомъ

Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.

Но онъ точно также понимаетъ и эгоизмъ гордой личности, го-

товой все принести въ жертву себѣ самой: онъ безповоротно осуждаетъ Алеко устами Старика-цыгана:

Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ,—
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли:
Ты для себя лишь хочешь воли.
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ!
Мы робки и добры душою—
Ты золъ и смѣлъ. Оставь-же насъ!

Въ созданіи личности Старика-цыгана, благородно протестующаго противъ неумѣющаго простить и незнающаго доброты Алеко, сказались стремленія Пушкина къ народу и его благодушной жизни. Но вполнѣ понять эту жизнь для поэта еще не настала пора. Переживъ съ Байрономъ романтическое увлеченіе чувствомъ, Пушкинъ еще долженъ былъ пережить (по обыкновенному ходу развитія человѣка, прикосновеннаго къ европейской культурѣ) скептицизмъ и сомнѣніе. Сомнѣніе и посѣтило его (правда, не надолго, благодаря художественной гармоніи его души) въ Одессѣ, выразившись главнымъ образомъ въ стихотвореніи *„Демонъ“*. Улыбка, чудный взглядъ и язвительныя рѣчи Демона, по словамъ поэта,

Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Появленіе Демона скептицизма, духа сомнѣнія должно быть стоитъ въ связи съ увлеченіемъ Пушкина поэзіей поэта мысли— Гёте: Пушкинъ зачитывался въ Одессѣ «Фаустомъ».

1824-мъ годомъ кончается жизнь на югѣ, кончается тотъ періодъ, когда великій художникъ усвоивалъ себѣ блестящіе и могучіе западно-европейскіе идеалы, воспринимая ихъ въ свою чуткую душу и переживая ихъ. Высылаемый изъ Одессы на сѣверъ, въ свое родное село Михайловское, поэтъ горестно прощается съ этими идеалами въ чудесномъ стихотвореніи *„Къ морю“*. Ему кажется еще, что на сѣверѣ онъ будетъ жить воспоминаніями могучихъ впечатлѣній и огненныхъ чувствъ, испытанныхъ на югѣ.

Но на родномъ сѣверѣ ждали его иныя впечатлѣнія и чувства иныя; ждала новая, не менѣе важная жизнь—жизнь народная. Въ родной русской деревнѣ онъ встрѣтилъ добрую дружбу въ простомъ русскомъ семействѣ Осиповыхъ-Вульфъ; встрѣтилъ свою дорогую старушку-няню, свою «голубку дряхлую», съ которой сталъ проводить цѣлые дни, которая опять, какъ въ дѣтствѣ, разсказывала ему сказки, пѣла пѣсни. Въ душѣ поэта проснулись тѣ народныя русскія начала, которыя жили въ ней съ дѣтства; они развились теперь подъ вліяніемъ сближенія съ няней, подъ вліяніемъ сближенія съ народомъ: поэтъ сталъ собирать народныя пѣсни; Ив. В. Кирѣевскій говоритъ въ предисловіи къ своему знаменитому сборнику народныхъ произведеній, что Пушкинъ доставилъ ему замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи.—Два года жизни въ Михайловскомъ успокоили взволнованную бурными чувствами и разочарованіями душу поэта и сдѣлали его народнымъ писателемъ. Чтеніе лѣтописей, Исторіи Карамзина и изученіе Шекспира (послѣдняго великаго учителя нашего поэта) навели его на мысль написать драму изъ русской исторіи. Въ 1825 году онъ и привелъ свой замыселъ въ исполненіе: написалъ *„Бориса Годунова“*, произведеніе въ полномъ смыслѣ слова народное. Драматизмъ личности героя трагедіи царя Бориса состоитъ въ противорѣчіи и борьбѣ овладѣвшей его душою тревожной и бурной, чуждой его природѣ, страсти, властолюбія, съ простыми, смиренными и добрыми основами его духа.

Къ концу пребыванія въ Михайловскомъ вполнѣ выяснился въ душѣ Пушкина высокій взглядъ на свое призваніе, на назна-

ченіе поэта. Подобно пророку, поэтъ долженъ «исполниться» волей Бога и жечь своимъ возвышеннымъ глаголомъ людскія сердца.

Въ 1826 году новый императоръ Николай Павловичъ освободилъ Пушкина отъ опалы. Съ этой поры, съ пріѣзда поэта въ Москву, гдѣ онъ встрѣтилъ восторженныхъ цѣнителей своей трагедіи, начинается новый, высшій періодъ его творчества, время органическаго, живаго сліянія въ его душѣ и въ его поэзіи тревожныхъ и страстныхъ западно-европейскихъ началъ съ простыми и добрыми началами русской народной жизни.

Первое время Пушкинъ радостно отдался впечатлѣніямъ жизни въ обществѣ; но скоро въ душѣ его появилось недовольство этой жизнью, какое-то печальное разочарованіе. Съ этихъ поръ до самой женитьбы въ 31-мъ году мы видимъ его все переѣзжающимъ съ мѣста на мѣсто, какъ будто не могущимъ нигдѣ успокоиться; въ 29-мъ году онъ даже ѣдетъ въ Азію въ нашу дѣйствующую армію. Чувство тоски сказывается у него порою грустными мечтами о близости своей смерти; прекраснымъ выраженіемъ такихъ думъ является стихотвореніе *„Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ“*. Въ чудныхъ стихахъ, оканчивающихъ эту элегію, сказалось все возвышенное благородство души Пушкина: онъ находитъ утѣшеніе, исходъ изъ своей тоски въ любви къ молодой жизни, въ желаніи радости и счастья молодому поколѣнію, идущему смѣнить его поколѣніе:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!

Большія произведенія этой поры—поэма *„Полтава“*, неоконченный романъ *„Арапъ Петра Великаго“* и, также неоконченная, поэма «Галубъ». Въ двухъ первыхъ произведеніяхъ съ замѣчательною художественной силой нарисовалъ поэтъ образъ Петра Великаго,—въ «Полтавѣ» его энергію, душевную мощь, его великодушіе; въ «Арапѣ Петра Великаго»—его трудолюбіе и добродушную простоту жизни. Петръ съ этихъ поръ сильно зани-

масть творческую фантазію нашего поэта. Пушкинъ чувствовалъ сродство своего духа съ духомъ великаго Царя, понималъ, что его значеніе въ поэзіи таково же, какъ значеніе Петра въ практической жизни Россіи. Чудесно опредѣляетъ поэтъ русскаго Царя стихами «*Стансовъ*»:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Впослѣдствіи Пушкинъ пишетъ поэму «Мѣдный Всадникъ» и принимается за исторію Петра; но онъ останавливается среди работъ надъ этой послѣдней, пораженный страннымъ соединеніемъ въ личности Преобразователя великаго и благороднаго генія съ типомъ «бича Божьяго».

Поэма „*Галубъ*“ служитъ выраженіемъ овладѣвшаго душой Пушкина религіознаго настроенія. Путешествіе по Кавказу пробудило въ немъ мысль о необходимости христіанской проповѣди среди кавказскихъ племенъ. Поэма рисуетъ намъ противоположность чувствъ любви, прощенія и великодушія христіанскаго юноши съ суровыми и мстительными страстями дикаго горца. По плану поэмы Тазитъ долженъ былъ сдѣлаться потомъ проповѣдникомъ христіанской вѣры среди своихъ соотечественниковъ.

Посватавшись въ 1829 г. за Наталью Николаевну Гончарову, Пушкинъ въ 1830 г. получилъ согласіе и уѣхалъ устраивать хозяйственныя дѣла въ Нижегородскую губернію въ деревню Болдино. Холера заперла его здѣсь на-долго карантинами. Повидимому скучая въ одиночествѣ и безпокоясь о невѣстѣ, онъ былъ, однако, счастливъ въ это время; по крайней мѣрѣ никогда ни прежде, ни послѣ творчество его не было такъ разносторонне, такъ полно, такъ высоко, какъ въ осень 1830 года въ Болдинѣ. Геній его достигъ въ это время наибольшей степени развитія. Пушкинъ написалъ двѣ послѣднихъ главы «Онѣгина», повѣсти Бѣлкина, нѣсколько мелкихъ драмъ и до 30 лирическихъ стихотвореній.

Онѣгинъ и *Бѣлкинъ* — два существенныхъ и противоположныхъ типа поэзіи Пушкина. Онѣгинъ—это русскій человѣкъ, развившійся подъ иностранными вліяніями, давшій перевѣсъ въ себѣ чужимъ началамъ надъ родными; въ его душѣ раздвоеніе, разладъ между умомъ и сердцемъ; прежде онъ былъ романтикомъ, потомъ сталъ скептикомъ; оттого онъ разочарованъ; но это разочарованіе искренне лишь на-половину, на-половину оно напускное, онъ имъ рисуется, ибо онъ эгоистъ, выше всего ставящій свою личность. Изъ эгоизма и желанія порисоваться горькой опытностью онъ заглушаетъ въ душѣ своей возникавшее чувство любви къ Татьянѣ.—Бѣлкинъ, въ противоположность Онѣгину, человѣкъ простой, добрый и смиренный; въ немъ мы видимъ гармоническое согласіе душевныхъ силъ, и потому здоровую крѣпость нравственныхъ основъ; но онъ непосредственъ и наивенъ, и потому нѣсколько комиченъ, и въ немъ нѣтъ страстнаго и могучаго развитія отдѣльныхъ душевныхъ силъ, ума, чувства, воли, какъ въ типѣ ему противоположномъ. —Пушкинъ одинаково объективно и безпристрастно относится къ обоимъ типамъ: онъ развѣнчиваетъ въ великомъ романѣ Онѣгина съ его эгоизмомъ; но онъ не увлеченъ и Бѣлкинымъ и спокойно видитъ его слабую сторону. Самъ поэтъ стоитъ выше и Онѣгина, и Бѣлкина.

Любимый типъ его творчества, типъ, на сторонѣ котораго всѣ его и умственныя, и нравственныя сочувствія, есть, конечно, *Татьяна*, поэтическій образъ, который, вмѣстѣ съ Тургеневской Лизой, можно назвать высшимъ образомъ русской поэзіи. Пушкинъ проводитъ насъ въ романѣ черезъ всѣ періоды жизни своей любимой героини: мы знакомимся съ дикой и боязливой мечтательной дѣвочкой Таней, любящей фантастическія сказки и природу; мы переживаемъ съ этой Таней, когда она превратилась во взрослую дѣвушку, романтическій періодъ увлеченія чувствомъ, сердечными грёзами; поэтъ дѣлаетъ насъ свидѣтелями умственнаго развитія Тани на чтеніи книгъ Онѣгина, на размышленіяхъ о немъ самомъ, объ этомъ разочарованномъ эгоистѣ. И наконецъ въ послѣднихъ главахъ съ изумительной поэтической силой передъ нами нарисованъ образъ женщины, вполнѣ владѣющей собою, съумѣв-

шей гармонически примирить въ душѣ и умъ, и сердце, и волю, потому что, глубоко развивъ эти силы духа на воспринятыхъ началахъ европейской культуры, Татьяна осталась въ то-же время простымъ и добрымъ и искреннимъ русскимъ человѣкомъ. Чистая и строгая, правдивая и простая, Татьяна вполнѣ понимаетъ жизнь и людей, и изумителенъ по своей умственной и нравственной, по своей поэтической глубинѣ и прелести ея послѣдній разговоръ съ Онѣгинымъ, гдѣ она такъ справедливо и кротко произноситъ правдивый приговоръ надъ самого себя не понимающимъ эгоистомъ.

Съ этимъ приговоромъ Татьяны по поэтическому достоинству, по глубинѣ и теплотѣ чувства, по изяществу его выраженія могутъ сравниться развѣ только двѣ элегіи того-же 30-го года: «*Въ послѣдній разъ твой образъ милый*» и

Для береговъ чужбины дальней
Ты покидала край родной...

Въ этихъ стихотвореніяхъ Пушкинъ прощается съ предметомъ своей давней, возвышенной и чистой любви. Поэту угодно было скрыть отъ насъ—ктò была эта, такъ благоговѣйно, такъ свято имъ любимая женщина; но должно быть ея образъ былъ тѣсно связанъ въ его душѣ съ образомъ любимой героини его поэзіи:

А ты, съ которой образованъ
Татьяны милой идеалъ,—
О, много, много рокъ отъялъ!

восклицаетъ поэтъ въ концѣ романа.

Въ 1831 году Пушкинъ женился. Красота Нат. Ник. Гончаровой, надежда въ бракѣ съ молодой и не затронутой еще, быть можетъ, свѣтской пошлостью дѣвушкой найти семейное счастье, очаровали великаго художника. Съ этихъ поръ всѣ мечты и думы его, и личныя, и поэтическія, литературныя, сосредоточиваются на семьѣ. Онъ поселяется осѣдло въ Петербургѣ и начинаетъ писать произведенія въ народномъ духѣ: перелагаетъ въ свои художественные, вдохновенные стихи народныя *сказки*, уже давно записанныя имъ со словъ Арины Родіоновны, сочиняетъ прозаи-

ческія повѣсти — *„Дубровскаго“*, *„Капитанскую дочку“*. — «Капитанская дочка» не была оцѣнена въ свое время по достоинству; но кому не понятна теперь вся изумительная красота этой семейной хроники, этихъ дивныхъ картинъ простаго русскаго народнаго быта?

Первое время послѣ брака Пушкину казалось, что онъ нашелъ искомое имъ счастье мирной семейной жизни. Но потомъ онъ разочаровался. Наталья Николаевна была женою любящей и вѣрной; но... Пушкинымъ пришлось вести свѣтскій и разсѣянный образъ жизни. Поэтъ мечталъ объ отставкѣ и деревнѣ, о независимости и мирномъ трудѣ; а его связали—свѣтскія приличія, выѣзды, танцы, придворная служба, непосильные денежные расходы. Тоска овладѣла душой Пушкина, какъ это было уже прежде, послѣ освобожденія изъ Михайловскаго. И точно такъ-же, какъ прежде, параллельно съ тоскою, смягчая и утоляя ее, стало усиливаться въ его душѣ высокое религіозное чувство. Съ сердечнымъ увлеченіемъ читалъ поэтъ Священное Писаніе, житія Святыхъ, сочинялъ религіозныя произведенія; такъ, онъ переложилъ въ вдохновенные стихи умиленную великопостную молитву «Господи и Владыко живота моего»; такъ, онъ задумалъ и уже началъ писать большую религіозную поэму, въ которой хотѣлъ представить столкновеніе древняго языческаго римскаго міра съ христіанствомъ.—Но и эти высокіе замыслы и чувства не остановили готовившейся катастрофы. То общество, среди котораго пришлось поэту жить послѣдніе годы, ненавидѣло его, и, лицемѣрно чтя его геній, не могло выносить его нравственной высоты надъ собою.

Они вѣнокъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него.
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело.

Пошли клеветы и сплетни и навѣты; начались дерзкія и наглыя ухаживанія за Наталіей Николаевной молодаго офицера, француза по происхожденію, усыновленнаго голландскимъ посланникомъ, барона Дантеса-Геккерна. И эта послѣдняя капля переполнила

чашу: сдержанный и спокойный, благодушный, поэтъ вышелъ изъ-себя отъ негодованія и вызвалъ оскорбителя на поединокъ.

Въ гармонически согласной душѣ Пушкина нарушилось согласіе, и та стихія духа, огненная и ревнивая, которую нѣкогда въ юности олицетворялъ онъ въ образахъ, подобныхъ Алеко, на мигъ взяла перевѣсъ надъ всѣми другими силами. Уже смертельно раненый, поэтъ приподнялся съ земли и съ гнѣвомъ въ лицѣ послалъ отвѣтный выстрѣлъ противнику. Но гнѣвъ и злоба овладѣли имъ именно только на мигъ. Они быстро оставили его душу и смѣнились христіански-кроткимъ настроеніемъ. Жуковскій, не покидавшій Пушкина въ послѣдніе часы его жизни, писалъ потомъ отцу его:

> онъ какъ будто сдѣлался иной; буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу неодолимою страстью, исчезла, не оставивъ на ней и слѣда; ни слова, ниже воспоминанія о случившемся.

Данзасъ, секундантъ поэта, спросилъ его: не поручитъ ли онъ ему чего-нибудь въ случаѣ смерти касательно Геккерна? Пушкинъ отвѣтилъ: «требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть: прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ».

Онъ такъ и умеръ, истиннымъ христіаниномъ, просвѣтленный и чистый. Жуковскій долго смотрѣлъ ему въ лице тотчасъ послѣ кончины....

> Я увѣряю тебя (писалъ онъ потомъ отцу поэта), что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной мысли. Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина.

Скорбное событіе русской жизни вспоминаемъ мы сегодня, чествуя память великаго человѣка. Но да послужатъ намъ утѣше-

ніемъ прекрасныя слова Жуковскаго о высокомъ настроеніи души умиравшаго Пушкина. Смерть—событіе великое, и не только горестное, а и радостное: она разрушаетъ нашу земную жизнь, но она есть начало жизни вѣчной.

Пушкинъ умеръ неожиданно и внезапно, въ разцвѣтѣ своихъ великихъ творческихъ силъ. Но да послужитъ намъ и здѣсь утѣшеніемъ мысль, что много имъ сдѣлано, и не будемъ сокрушаться о томъ, чего онъ не совершилъ, не успѣлъ совершить. Онъ сдѣлалъ много, и честно и свято выполнилъ свое великое назначеніе на землѣ.

Ничѣмъ, конечно, лучше не можемъ мы почтить его память, память этой нашей чистой славы, какъ изучая, съ уваженіемъ и любовью, его великія, его безсмертныя созданія, созданія, которыя оправдали его вѣщія слова о себѣ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ!

